

DOI: 10.31696/S086919080034499-5

РОМАН ЕГИПЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ АХМАДА МУРАДА «ГОЛУБОЙ СЛОН»
КАК ОБРАЗЕЦ АРАБСКОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

© 2025

Л.Е. КОГАН ^{a, b}, Е.М. КОЛОСКОВА ^c^{a, c} – Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0002-1195-6636; lkogan@hse.ru^c – ORCID: 0000-0002-2012-804X; ekoloskova@hse.ru

Резюме: В настоящей статье рассматриваются жанровые особенности романа египетского писателя Ахмада Мурада «Голубой слон», выход которого на русском языке ожидается осенью 2025 г. в издательстве «Эксмо». В первой части статьи дается экскурс в историю становления и развития арабской детективной прозы, неразрывно связанной с произведениями египетских писателей первой половины – середины XX в. Хафиза Наджиба и Нагиба Махфуза, а также освещается история переводов европейской детективной литературы на арабский язык, в первую очередь представленных французскими детективными романами и новеллами Мориса Леблана о «благородном разбойнике» Арсене Люпене. Обозначены некоторые трудности, с которыми сталкивается развитие классического детективного романа на арабской литературной почве, среди которых, наряду с палестинским вопросом, рассматривается сложившийся в преподавании ряда дисциплин в общеобразовательных школах арабского мира традиционный подход к образованию, а также сравнительно позднее развитие уголовно-сыскных подразделений во многих арабских странах. Вторая часть статьи посвящена роману «Голубой слон», а также личности его автора Ахмада Мурада. Здесь представлена биография писателя, излагается краткое содержание романа «Голубой слон», обсуждается влияние на него произведений Нагиба Махфуза и Ахмада Халида Тауфика. Приведено наблюдение о том, что личностный конфликт и проблема трансформации героя играет в романе «Голубой слон» не менее важную роль, чем детективная сюжетная канва. С учетом эклектической природы романа, присутствия в нем элементов мистического триллера, криминального детектива, любовного романа, «крутого» детектива, а также эстетики нуара, формулируется гипотеза о субжанровой поливалентности «Голубого слона». В заключительной части статьи обсуждается место многожанровой криминальной прозы (в частности, криминального триллера) в массовой литературе Египта, в том числе, парадоксальный контраст между низким статусом криминальной прозы в литературных кругах и ее широким коммерческим успехом.

Ключевые слова: новейшая арабская литература, египетская литература, арабская криминальная проза, арабский детектив, Ахмад Мурад

Для цитирования: Коган Л.Е., Колоскова Е.М. Роман египетского писателя Ахмада Мурада «Голубой слон» как образец арабской криминальной прозы. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 233–240. DOI: 10.31696/S086919080034499-5

EGYPTIAN CRIME THRILLER “THE BLUE ELEPHANT”
IN A REGIONAL CONTEXT

© 2025

Leonid E. KOGAN ^{a, b}, Ekaterina M. KOLOSKOVA ^c^{a, c} – HSE University, Moscow, Russia^b – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^{a, b} – ORCID: 0000-0002-1195-6636; lkogan@hse.ru^c – ORCID: 0000-0002-2012-804X; ekoloskova@hse.ru

Abstract: *The article examines the genre-specific features of the novel “The Blue Elephant” by the Egyptian writer Ahmed Mourad, expected to be published in Russian in the fall of 2025 (Eksmo Publishing). The first part of the article provides an overview of the history of the emergence and development of Arabic detective fiction, which is inextricably linked to the works of Naguib Mahfouz and Hafiz Najib, as well as the history of translations of detective literature into Arabic, primarily represented by French detective novels. The article identifies some difficulties in the development of the classic detective novel in the Arabic literary context, including the specific approach to education in public schools and the relatively late development of criminal investigation departments in most Arab countries. The second part of the study is focused on the personality of Ahmed Mourad and his third novel “The Blue Elephant”. It has been observed that personal conflict and the issue of hero’s transformation play a role in the novel that is equally significant to the detective plotline. Considering the eclectic nature of “The Blue Elephant”, where elements of mystical thriller, crime detective, hard-boiled detective, and noir aesthetics are closely interwoven, a hypothesis regarding the subgenre polyvalence of the novel is proposed. In the concluding part of the article, the position of multi-genre crime fiction, particularly crime thriller, in today’s popular literature of Egypt is emphasized, including the paradoxical contrast between its low status in the literary circles and its wide commercial success.*

Keywords: contemporary Arabic literature, Egyptian literature, Arabic crime novel, Arabic mystery novel, Ahmed Mourad

For citation: Kogan L.E., Koloskova E.M. Egyptian Crime Thriller “The Blue Elephant” in a Regional Context. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 233–240. DOI: 10.31696/S086919080034499-5

Для большинства арабистов (и не только) имя Виталия Вячеславовича Наумкина ассоциируется прежде всего с Йеменом (и, шире, Южной Аравией). Действительно, с этой частью арабского мира связаны, вероятно, наиболее выдающиеся (и уж точно наиболее оригинальные) исследовательские достижения нашего юбиляра. В то же время тем из коллег, кто чуть глубже знаком с биографией акад. Наумкина, хорошо известно, что его «первой любовью» в дорогом всем нам регионе был никак не Йемен (с трудом доступный в ту далекую эпоху не только советским гражданам, но и большинству специалистов из каких бы то ни было стран земного шара), а Египет – страна, где Виталий Вячеславович впервые оказался в 1966 году, будучи еще студентом ИВЯ. Привязанность к египтянам, их языку, культуре, обычаям и традициям сохранилась у В.В. Наумкина на многие десятилетия и не утрачена до сих пор. Получив почетное приглашение написать статью в юбилейный выпуск журнала «Восток», мы решили сделать нашему дорогому учителю, соавтору и товарищу по полевой и камеральной работе несколько необычное, но, надеемся, интересное приношение: рассказать об одном своеобразном произведении новейшей египетской

литературы, в котором навеянные средневековой историей Египта мотивы переплетаются с самыми – без преувеличения! – экстремальными проявлениями современной египетской действительности¹. От всей души надеемся, что уже совсем скоро мы сможем порадовать Виталия Вячеславовича опубликованным переводом романа «Голубой слон».

Криминальная проза обладает особым статусом в современной массовой литературе на арабском языке. Наряду с переводами европейских романов этого жанра, в свет ежегодно выходят оригинальные арабские произведения таких субжанров, как нуар, мистический триллер, «крутой» детектив, медицинский триллер. Вместе с тем по сравнению с прочими жанрами массовой литературы присутствие криминального детектива на арабской литературной сцене можно назвать незначительным. Так, еще в 2008 г. ливанский писатель и критик Элиас Хури заявлял, что «произведений подобного жанра в арабской литературе не существует, а если бы они и существовали, то ни за что не достигли бы уровня настоящего детектива или триллера, подобного романам Агаты Кристи» [Alghureiby, 2015]. В своем интервью для портала *arablit.org* (2014) Ахмад Мурад так отвечает на вопрос, почему лишь немногие египетские писатели работают в жанре криминальной прозы: «Вероятно, дело в том, что это совсем новый жанр [для египетской литературы], а все новое обычно подвергается серьезной критике со стороны общества». Оба этих утверждения красноречиво свидетельствуют о том, как арабские писатели оценивают присутствие детективного романа в арабской художественной литературе.

В то же время в литературоведческой и культурологической среде произведения этого жанра становятся все более популярны в качестве объекта изучения. Особого внимания заслуживает международная конференция *Protect and Serve: Crime Fiction and Community*, проведенная в Эдинбургском университете в 2015 г. и включавшая в себя панельную дискуссию о месте криминальной прозы в новейшей арабской литературе, а также симпозиум *The Arab Detective Narrative*, организованный Национальным институтом восточных языков и культур (INALCO) в Париже в 2019 г. Криминальный детектив как жанр арабской литературы стал темой последнего номера египетского журнала литературной теории и критики «Фусуль». В одной из статей этого выпуска обсуждается недостаточное присутствие криминальной прозы на рынке арабской литературы, что входит в очевидное противоречие с быстрым ростом интереса к литературе этого жанра среди арабских читателей [Moudden, 2009].

Любопытно, что первое появление жанровых черт криминального детектива в арабской литературе связывают уже со сказками «Тысячи и одной ночи», а именно, с рассказом о трех яблоках: рыбак вылавливает из моря сундук и находит в нем разрубленное тело молодой женщины, тайну гибели которой предстоит разгадать царскому визирю. Наличие в сюжете главных компонентов криминального детектива – преступления, убийцы, жертвы и выяснения обстоятельств преступления – делает эту сказку одним из наиболее ранних зафиксированных детективных сюжетов ближневосточной литературы [Alghureiby, 2019]. В статье *The Classical Arabic Detective* Фадва Мальти-Дуглас отмечает, что многие произведения классической арабской литературы, такие как «Книга песен» Абу Фараджа аль-Исфахани и «Послание об умниках» Аль-Джаузи, демонстрируют значительный интерес к криминальным сюжетам, вследствие чего единственным существенным отличием между детективными нарративами классической арабской литературы и современными детективными арабскими романами можно считать лишь объем произведения: «Роман как литературная форма был чужд эстетическим интересам средневековых арабов» [Malti-Douglas,

¹ Есть у этого посвящения и более скромный, но не менее дорогой и важный для нас повод: в 2018 году В.В. Наумкин любезно согласился выступить рецензентом для магистерской работы Е.М. Колосковой, посвященной «Голубому слону» и написанной под руководством Л.Е. Когана.

1988(1); 1988(2)], вследствие чего детективный сюжет в ту эпоху мог быть реализован лишь в относительно лаконичной форме – как один из второстепенных элементов повествования.

Первой – и, пожалуй, главной – детективной фигурой, вышедшей на арабскую литературную сцену в начале XX в., стал герой романов и новелл французского писателя Мориса Леблана, «благородный разбойник» Арсен Люпен (1907–1941) – гений преступного мира, перевоплотившийся в детектива. Ранние переводы романов Леблана появились на арабском языке уже в 1910-е гг. Помимо Люпена, арабоязычному читателю первой половины XX в. были хорошо знакомы герои детективных романов Артура Конана Дойля и Агааты Кристи.

Прародителем арабской криминальной прозы можно по праву считать египетского писателя Хафиза Наджиба (1883–1948), выпустившего в 1920-е гг. целую серию детективных романов. В своем интервью литературному журналу *The Paris Review* (1992) знаменитый египетский прозаик Нагиб Махфуз отмечал, что знакомство с творчеством Наджиба в юном возрасте оказало большое влияние на его формирование как писателя и нашло отражение в его собственных произведениях с криминальными мотивами, таких как «Вор и собаки» (1961) и «Номер 12» (1973).

Середина и вторая половина XX в. ознаменовалась появлением оригинальных детективных романов по всему арабскому миру – от Палестины («Кто убил Лейлу аль-Хайек?» Гассана Канафани, 1966) до Алжира («Pas de Phantoms pour Tel-Aviv» Юсефа Хадера, 1970 и «Le dingue au bistouri» Ясмینی Хадра, 1990, оба по-французски) и Марокко («Блондинка из деревни» Абдулазиза Бенабдаллы, 1980) [Moudden, 2009; Sagaster, Strohmeier, 2016]. Во второй половине XX в. появляются детские детективные серии, такие как «Пятеро авантюристов» (1967–1973) египтянина Махмуда Салима, вдохновленная британской серией *The Five Find-Outers* Энид Блайтон (1941–1960).

Тем не менее базовая нарративная форма, характерная для классического детективного романа (а именно, логико-дедуктивное решение загадки преступления), практически не представлена в арабской художественной прозе и по сей день. В поиске причин, стоящих за этим необычным положением дел, исследователи делают акцент на следующих обстоятельствах.

Политическая нестабильность ближневосточного региона делает выбор писателя в пользу криминальной прозы непозволительной роскошью. Палестинский писатель Махмуд Шугайр так высказывается об арабском детективе: «Возможно, это мое личное мнение, обусловленное ситуацией, в которой палестинский народ вынужден жить с 1948 года, <...> но зверства израильской оккупации <...> предоставляют достаточное количество материала для любого писателя. <...> На фоне произведений, изображающих людские страдания, бедность, угнетение и тяготы целого народа, криминальные романы кажутся чем-то совершенно не важным».

Определенную роль в задержке формирования классического криминального детектива на арабской почве сыграл, как кажется, традиционный подход к образованию в арабских школах, делающий сильный акцент на декларативном знании (как отмечал уже Таха Хусейн в своей знаменитой автобиографической повести «Дни», 1929). Согласно таксономии Блума², арабское начальное образование предполагает лишь первый, наиболее поверхностный уровень работы с материалом – ознакомление и последующее заучивание. В подобном контексте детективная проза, отличительной чертой которой являются дедуктивные умозаключения героев, становится слишком сложной как для написания арабским писателем, так и для восприятия арабским читателем [Alghureiby, 2019].

² Таксономия Блума – система классификации образовательных целей, разработанная в 1956 г. комитетом американских специалистов по обучению во главе с Бенджамином Блумом.

Наконец, само представление о детективе как о профессионале в сфере раскрытия уголовных преступлений довольно далеко от рядового арабского читателя. В большинстве арабских стран сыскные ведомства, входящие в состав полиции, были созданы лишь во второй половине XX в. (Египет – 1963, Иордания – 1976, Саудовская Аравия – 1980, Катар – 2001). Египетский художник Ганзир, иллюстратор и соавтор графического криминального романа Дуньи Махер «Квартира в Баб эль-Лук» (2014), так описывает сюжет своего произведения в интервью порталу *The Paris Review*: «Полиция не играет большой роли в нашей истории. У нас, в Каире, все немного по-другому. Нет следователей, нет частных детективов, вообще ничего подобного. Ты можешь полагаться только на себя».

Неудивительно, что многие критики и литературоведы вообще отказываются признавать криминальный детектив как жанр современной арабской литературы [Ghosn, Benoit, 2021]³. Сходное отношение к проблеме мы находим и у некоторых авторов, чьи произведения, с точки зрения западного читателя, в наибольшей степени соответствовали бы жанровому определению криминального детектива. Так, в упомянутом выше интервью порталу *arablit.org* Ахмад Мурад заявляет, что личностный конфликт и проблема трансформации героя играет в его романах куда более важную роль, чем детективный сюжет. Действительно, читатель «Голубого слона» довольно быстро узнает, кто является преступником, после чего Мурад переключается на более сложные вопросы: какую роль в преступлении играет внешне непричастный к нему главный герой и какие последствия повлекла за собой эта трагедия в жизни других персонажей романа? [Buontempo, 2016].

Нельзя не признать, в то же время, что включение «Голубого слона» в короткий список престижной литературной премии IPAF оказало существенное влияние на жанровую проблематику арабского криминального детектива и заметно расширило уровень признания произведений этого жанра в арабском мире.

Писатель, сценарист, фотограф и графический дизайнер Ахмад Мурад родился 14 февраля 1978 г. в Каире. В 2001 г. он с отличием окончил Высший институт кино Каирской Академии художеств. После выпуска из Академии он на протяжении нескольких лет работал личным фотографом президента Хосни Мубарака.

Дебютный роман Ахмада Мурада, нуарный детектив «Вертиго», вышедший в 2007 г. в каирском издательстве *Dar Merit* и тепло принятый критиками, получил коммерческий успех и был переведен на четыре языка: английский (*Bloomsbury*), французский (*Flammarion*), немецкий (*Lenos*) и итальянский (*Marsilio*). За совокупность достижений в 2018 г. Ахмад Мурад был удостоен награды Министерства культуры Египта.

На сегодняшний день Ахмад Мурад является автором 8 романов. «Голубой слон» – его третья и наиболее успешная книга.

Своими главными учителями Ахмад Мурад считает Нагиба Махфуза, а также Ахмада Халида Тауфика (1962–2018), профессора медицинского факультета Университета Танты и пионера таких субжанров, как мистический хоррор и медицинский детектив в арабской литературе. Сюжетная линия «Голубого слона», разворачивающаяся в Аббасидской психиатрической клинике, ставит этот роман в один ряд с серией новелл в жанре медицинского детектива Ахмада Халида Тауфика «Сафари» (1996–2018). Другая детективная серия нуарных романов Ахмада Халида Тауфика «Сверхъестественное» (1993–2014), с характерными для нее описаниями героев легенд как традиционного арабского, так и египетского городского фольклора, также становится источником вдохновения для мистического и фольклорного

³ Столь узкий взгляд на жанровую проблематику криминального романа упускает из виду целый ряд знаковых, хотя и не вписывающихся в классические рамки произведений новейшей египетской литературы, таких как «1/4 грамма» Исама Юсуфа (2008), графический роман Магди Аль-Шафии «Метро: История Каира» (2008), а также упомянутый выше графический роман «Квартира в Баб эль-Лук» (2014).

компонента в романе «Голубой слон». Примечательно, что главными героями обеих детективных серий Ахмада Халида Тауфика выступают медики (специалист в области лечения редких заболеваний Аля Абдельазим и гематолог Рефаат Исмаил), в то время как в романе «Голубой слон» главным героем является судебный психиатр Яхья Рашид. Восприняв присущий новеллам из циклов «Сафари» и «Сверхъестественное» легкий стиль повествования и саркастичный юмор, Ахмад Мурад может по праву считаться продолжателем традиций Ахмада Халида Тауфика.

Вышедший в свет 28 сентября 2012 года роман «Голубой слон» (*Al-fil al-ʔazraq*) мгновенно завоевал популярность среди читателей. Помимо многочисленных оценок на платформе *Goodreads* (более 64 000 по состоянию на март 2025 г.) об этом также свидетельствует тот факт, что книга выдержала 10 переизданий в одном из крупнейших каирских издательств *Dar El Shorouk*. В 2013 г. «Голубой слон» стал самым продаваемым романом на Международной книжной выставке в Каире, а годом позже вошел в короткий список премии *The International Prize for Arabic Fiction* (IPAF), также известной как «арабский Букер»⁴.

Вышедшая в 2019 г. экранизация книги, транслировавшаяся на стриминговой платформе *Netflix*, была признана самым кассовым фильмом за всю историю арабского кинематографа. Примечательно, что ни победа в престижном конкурсе, ни загруженная на международную стриминговую платформу экранизация не обеспечили книге перевод на английский язык (лишь в 2018 г. немецкий перевод был опубликован швейцарским издательством *Lenos Verlag*). В настоящее время издательство «Эксмо» готовит к выходу перевод романа на русский язык в переводе Е.М. Колосковой под редакцией Л.Е. Когана.

Основными действующими лицами романа «Голубой слон», помимо 37-летнего судебного психиатра Яхьи Рашида, являются его пациент и некогда лучший друг Шариф аль-Курди, сестра Шарифа и первая любовь Яхьи по имени Любна, а также жена Шарифа Басма. Роман начинается с того, что Яхье поручают дело нового пациента с предварительным диагнозом «диссоциативное расстройство идентичности», известным в народе как «раздвоение личности». В этом пациенте Яхья узнает своего друга Шарифа аль-Курди, в прошлом также известного психиатра. Десять лет назад Шариф разорвал все связи с Яхьей, когда узнал, что тот имеет тайную любовную связь с его сестрой Любной. И хотя отношения Яхьи и Любны давно закончились, они продолжают испытывать все такие же сильные чувства друг к другу.

Следствие обвиняет Шарифа в убийстве его жены Басмы, однако Яхья убежден, что в деле не обошлось без вмешательства темных сил. На бедре Басмы криминалистами была обнаружена загадочная рана идеально круглой формы. Также следствие установило, что на момент смерти Басма находилась на раннем сроке беременности. Однако из разговора с Любной Яхья узнает, что у Шарифа диагностировано бесплодие – следовательно, Басма была беременна не от него. По словам Любны, Шариф и Басма много лет жили душа в душу, но несколько месяцев назад все изменилось: Шариф внезапно оборвал все связи с родными и выгнал жену из дома, а на руке у него появилась татуировка с загадочным узором.

Изучив фотографии из архивов Шарифа и Басмы, Яхья замечает, что на бедре Басмы, прямо на месте срезанного участка кожи, прежде была нанесена татуировка. Также Яхья устанавливает причастность Шарифа к краже одного из главных экспонатов каирского Музея исламского искусства – магической рубахи, которую исламские лекари использовали для изгнания нечистой силы из больного.

⁴ Ряд критиков отнесли к включению романа в шорт-лист премии со скепсисом, отмечая, что литература такого жанра является «массовой и несерьезной», а потому не может претендовать на премию столь высокого уровня.

Тем временем в руки Яхья случайно попадают три таблетки неизвестного ему ранее наркотика под названием «голубой слон». Галлюцинации, вызванные первой таблеткой, позволяют Яхье своими глазами увидеть момент смерти Басмы. Так Яхья понимает, что лишь с помощью «голубого слона» он сможет раскрыть тайну гибели Басмы и спасти Шарифа от темных сил. Приняв вторую таблетку, Яхья переносится в позднеосманскую эпоху и видит, как колдунья наносит некоей девушке татуировку-оберег от бесплодия – точно такую же, как на бедре Басмы. Во время третьего и последнего путешествия под воздействием «голубого слона» Яхья узнает историю магической рубахи и ее владельца и обнаруживает, что она в мельчайших деталях повторяет историю Шарифа и Басмы. Торговец мулами по имени Мамун и его жена долгие годы не могли завести детей. Жена Мамуна решила обратиться к колдунье, чтобы та нанесла на ее тело татуировку в качестве оберега от бесплодия. Сделав татуировку, колдунья призвала демона страсти, который вселился в Мамуна и оплодотворил его жену. Поселившийся в теле Мамуна демон оставляет на его руке точно такую же татуировку, которую Яхья уже видел у Шарифа. Чтобы завершить обряд и изгнать демона страсти из мужчины, колдунья должна была совершить ритуальное убийство жертвенного животного. Однако, нарушив обряд, колдунья необратимо изменяет ход событий – ребенок в утробе жены Мамуна превращается в демоническое чудовище, родив которое женщина должна впустить в этот мир древнее зло. В надежде изгнать демона страсти, Мамун обращается к колдуну, который изготавливает для него магическую рубаху (ту самую, которая впоследствии станет экспонатом Музея исламского искусства). Ключ к спасению от демона страсти спрятан в комбинации чисел, изображенных на рубахе. Чтобы изгнать демона, владелец рубахи должен разгадать секрет последовательности этих чисел. Мамуну не удается разгадать этот секрет, и он оказывается лишен единственного шанса на спасение. В надежде разрушить колдовство, жена Мамуна срезает с бедра татуировку, но и это ни к чему не приводит. История Мамуна заканчивается трагически: беременная жена погибает, а его самого помещают в психиатрическую лечебницу.

Вернувшись в реальный мир, Яхья отправляется в тату-салон и находит там колдунью из своего видения. Колдунья дает Яхье древнюю магическую книгу, с помощью которой он определяет секретную комбинацию чисел и изгоняет демона страсти из Шарифа.

В последующие месяцы Яхья погружается в изучение древних источников о демоне страсти и приходит к следующему выводу: последовательность чисел, с помощью которой он изгнал демона из Шарифа, была неверной. Осознав это, Яхья падает в обморок.

Очнувшись, Яхья обнаруживает в своей квартире Любну. По ее словам, с момента описываемых событий прошло уже два года, и теперь они женаты и ждут ребенка. Не поверив своим ушам, Яхья запирается в ванной, чтобы прийти в себя, и обнаруживает у себя на руке татуировку демона страсти – точно такую же, какую он ранее видел у Шарифа и Мамуна.

Как известно, арабский мир с его древней историей и сложным социальным устройством вдохновил немало известных западных авторов на то, чтобы выбрать его в качестве места действия для детективных романов. Сам он, однако, оказался неспособным породить оригинальный криминальный детектив в его классическом понимании. Вместо этого мы имеем дело с образцами многожанровой криминальной прозы, в разных пропорциях сочетающими в себе элементы мистического триллера, криминального детектива, любовного романа, медицинского детектива, а также нуарной эстетики. Субжанровая поливалентность романа египетского писателя Ахмада Мурада «Голубой слон», сочетающего в себе все вышеперечисленные элементы, наряду с захватывающим сюжетом и многочисленными отсылками к народной и массовой культуре, позволила книге стать бестселлером. Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: низкий статус криминальной прозы в арабских литературных кругах, усугубленный слабым присутствием произведений

этого жанра в современном арабском литературном процессе, не препятствует ее широкому коммерческому успеху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Alghureiby T. The Curious Case of Crime Fiction in Arabic Literature. *Arab World English Journal (AWEJ)*. 2015. No. 4. Pp. 155–166.
- Alghureiby T. Mapping crime fiction in Arabic literature. *Arabic Translation Across Discourses*. S. Faiq (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge, 2019. Pp. 183–195.
- Buontempo A. Vertigo and The Dove's Necklace as Romans Noirs: A Hypothesis on Arabic Crime Fiction. *Crime Fiction in and around the Eastern Mediterranean*. B. Sagaster, M. Strohmeier, St. Guth (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 9–32.
- Ghosn K., Benoît T. Introduction: Le Récit Criminel Arabe Existe-t-il? *Le Récit Criminel Arabe / Arabic Crime Fiction*. K. Ghosn, T. Benoît (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2021. Pp. 1–16.
- Malti-Douglas F. Classical Arabic Crime Narratives: Thieves and Thievery in Adab Literature. *Journal of Arabic Literature*. 1988(1). Vol. 19. No. 2. Pp. 108–127.
- Malti-Douglas F. The Classical Arabic Detective. *Arabica*. 1988(2). T. 35. Fasc. 1. Pp. 59–91.
- Moudnen A. Crime Fiction in Modern Moroccan Literature. *Fusul for Literary Criticism*. 2009. Vol. 76. Pp. 82–94.
- Sagaster B., Strohmeier M. Introduction. *Crime Fiction in and around the Eastern Mediterranean*. B. Sagaster, M. Strohmeier, St. Guth (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 1–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОГАН Леонид Ефимович – доктор филологических наук, заместитель директора Института классического Востока и античности, заведующий кафедрой Ближнего Востока Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Leonid E. KOGAN, DSc (Philology), Deputy Director, Institute for Oriental and Classical Studies, Head of the Department of History and Philology of the Near East, Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, HSE University; Leading Research Fellow, Center of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОСКОВА Екатерина Михайловна – магистр филологии, преподаватель Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Ekaterina M. KOLOSKOVA, MA (Philology), Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russia.